

Содержательница притона и представить не могла, что Бай Чэнцзюэ окажется настолько жесток к самому себе. Линейка толщиной в ладонь, а он самолично заставил слугу наносить удары.

Лоб его покрылся холодной испариной, лицо смертельно побледнело, но он так и не подал знака остановиться. Все тридцать ударов вытерпел, не проронив ни звука.

Когда тётушка Лань и слуга ушли, он вернулся в комнату. Зажав в зубах белый платок, юноша спокойно закатал рукава и принялся втирать густую белую мазь в изрезанную руку. Сцепив зубы на ткани, он прижался лбом к туалетному столику. Он в такт глухой боли мерно стучал сжатым кулаком по дереву. Порезы на руке затягивались прямо на глазах.

Четверть часа спустя от ран, оставленных Сюэ Бэйваном, не осталось и следа. Он взглянул на себя в бронзовое зеркало: глаза блестели от выступивших слёз, а лоб был покрыт мелкими каплями пота.

Боль от тридцати ударов линейкой казалась ничтожной по сравнению с муками от этого чудодейственного снадобья, способного возвращать плоть на обнажённые кости. Те побои были лишь лёгким зудом, укусом мелкого насекомого.

Но теперь, видя, как Сюэ Бэйван изнывает от жалости и тревоги, он понимал: эта уловка с самоистязанием стоила каждой перенесённой секунды.

Из-за двери донёсся стук. Голос трактирного слуги возвестил:

— Молодой господин, я привёл лекаря.

Бай Чэнцзюэ осторожно коснулся запястья Сюэ Бэйвана и покачал головой. Он всё ещё искусно играл роль беззащитной девицы из весёлого терема — робкой, растерянной и бесконечно хрупкой.

Не дав ему заговорить, Сюэ Бэйван ободряюще похлопал его по ладони:

— Не бойся. Никто не узнает, что ты мужчина. Я велю ему провести диагностику по нити. Он и шагу к тебе не сделает.

— Хорошо, — едва слышно отозвался тот.

Сюэ Бэйван коротко кивнул. Сяо Муцзы, мгновенно всё поняв, поспешил распахнуть дверь.

Коридорный, кланяясь, затараторил:

— Господин, я столько обошёл — никто не желает братья за девицу из весёлого дома! Едва уговорил почтенного лекаря Чэня. Только плата за его труды будет повыше, чем у прочих.

Сюэ Бэйван лишь презрительно усмехнулся. Лицемеры. Сами небось из весёлых кварталов не вылезают, а как лечить — так брезгуют. Ханжи, да и только.

Стоило лекарю Чэню с ящиком за спиной переступить порог, как Сюэ Бэйван сухо кашлянул. Сяо Муцзы тут же преградил гостю путь.

— О деньгах не беспокойтесь, наш господин щедро заплатит, — отрезал слуга. — Садитесь здесь и проводите диагностику по нити.

Коридорный бросил быстрый взгляд на убранство комнаты и, поняв, что более в его услугах не нуждаются, тихо ретировался.

Сюэ Бэйван осторожно обвязал тонкую шёлковую нить вокруг запястья Бай Чэнцзюэ. Лекарь Чэнь устроился на стуле у двери, натянул нитку и принялся слушать биение пульса, попутно расспрашивая о недомогании.

Сюэ Бэйван слушал этот тихий, льющий голос — сейчас изменённый, женский, — и у него сладко щемило в груди. Как бы ни говорил Бай Чэнцзюэ, мужским голосом или женским, его речь всегда звучала удивительно певуче, лаская слух.

— Обычная простуда, — заключил лекарь, смотав нить. — Выпишу два сбора. Заваривайте тёплой водой. Как выпьет — хворь как рукой снимет.

— Прошу за мной, уважаемый, — вежливо произнёс Сяо Муцзы, указывая на дверь.

Когда они вышли и в комнате воцарилась тишина, Бай Чэнцзюэ вновь перехватил запястье Сюэ Бэйвана.

— Этот лекарь просто напускает на себя важность, — прошептал он. — Зачем тратить столько денег впустую? Откуда у простого уличного лекаря такое мастерство? Да и судя по его возрасту, он едва ли способен по-настоящему проводить диагностику по нити.

Договорив, он невольно закашлялся, прикрыв рот ладонью, и бессильно сжался на постели. Он слабо разжал пальцы, державшие руку юноши.

— Простые основы врачевания ему всё же ведомы, — возразил Сюэ Бэйван. — У тебя сильный жар, так что лекарство от простуды точно лишним не будет.

— Но ведь эти сборы не стоят таких денег...

— Для тебя мне ничего не жалко, — мягко оборвал его Сюэ Бэйван. — Главное — поправляйся. Когда ты встанешь на ноги, у меня и на душе станет легче.

Вспомнив о багровых синяках на его спине, Сюэ Бэйван поспешно отвёл взгляд от этих сияющих, бездонных глаз:

— Пойду потороплю слуг с имбирным отваром.

— Господин Сюэ, — тихо позвал его Бай Чэнцзюэ. — И эта простуда, и бывшие раны... Прошу, не вините себя. Цзюэюй сам сделал свой выбор, вашей вины тут нет.

Сюэ Бэйван нахмурился, в его голосе послышалась глухая досада на самого себя:

— Да неужели в тебе нет ни капли злости? Я сбежал, оставив лишь жалкую записку, хотя ты спас мне жизнь. А при новой встрече обдал тебя ледяным презрением и заставил простоять под дверью всю ночь!

— Злость во мне есть, — кротко улыбнулся Бай Чэнцзюэ. — Но на вас я сердиться не могу. Я ведь знаю, что в глубине души вы желаете мне только добра.

Сердце Сюэ Бэйвана заколотилось так отчаянно, словно готово было выпрыгнуть из груди. Он беспомощно тонул в этом ласковом взгляде.

Резко развернувшись, он торопливо вышел из комнаты. Едва за ним захлопнулась дверь, юноша тяжело, протяжно выдохнул, прислонившись спиной к косяку.

За свою жизнь он встречал немало красавиц, а мужчин видел и того больше. Но этот человек... Каждое движение его бровей, каждая мимолётная полуулыбка действовали на Сюэ Бэйвана как дурманящее зелье, неумолимо затягивая в омут, из которого не было спасения.

В комнате Бай Чэнцзюэ тихо рассмеялся, вспомнив залитое краской лицо беглеца.

«Сразу видно — невинный юнец. Изводить такого намно-о-го занятнее, чем искушённых в любовных утехах столичных чинуш».

Сюэ Бэйван спустился в общий зал, намереваясь спросить про отвар. Но не успел он раскрыть рта, как услышал, с каким смачным звуком сплюнул на пол давешний коридорный.

— Ишь, нашёл себе сокровище! — ухмылялся слуга какому-то приятелю. — Обычная потаскуха из весёлого дома, которую поимел каждый встречный-поперечный, а он носит с ней как с писаной торбой.

Парень пренебрежительно фыркнул:

— Ещё и диагностику по нити устроили... Да эти нежные ручки перетискали сотни мужиков, одной парой рук больше, одной меньше — какая разница!

Договорить он не успел. Сюэ Бэйван мертвой хваткой вцепился ему в горло и с силой впечатал затылком в деревянную стойку за спиной.

— Помогите! Убивают! Спаси... А-а-а!

Сюэ Бэйван рванул его руку на себя, с сухим треском вырывая плечевой сустав. Простой трактирный слуга, никогда не знавший настоящих пыток, мгновенно зашёлся беззвучным криком, захлебнувшись дикой болью.

— Если твоя пасть не умеет молчать, я могу лично её зашить, — ледяным тоном процедил воин.

От него веяло первобытной, беспощадной угрозой — так смотрят лишь те, кто привык забирать чужие жизни на поле боя.

Наглый парень теперь лишь судорожно мотал головой, не в силах вымолвить ни слова от разрывающей тело муки, а из его глаз градом катились слёзы.

Сюэ Бэйван оставался бесстрастен. Раздался ещё один хруст, сопровождаемый новым воплем — резким движением воин вправил сустав на место. Бросив холодный взгляд на плачущего слугу, он сухо бросил:

— Имбирный отвар. Живо принеси его наверх.

Слуга закивал с такой частотой, словно его голова держалась на пружине. Только тогда Сюэ Бэйван разжал пальцы и отпустил его.

Вернувшись в комнату, он застал Бай Чэнцзюэ сидящим на постели в одном лишь нижнем платье. Его бледный, измождённый вид вызывал острую, щемящую нежность.

Черты лица юноши были безупречны. Даже зная, что перед ним мужчина, Сюэ Бэйван не мог отделаться от ощущения его неземной, девичьей хрупкости. В тонких изгибах лица не читалось ни капли мужской грубости; его кожа, невероятно белая и нежная, превосходила изяществом благороднейших девиц. Казалось, он сошёл со старинного свитка искусного мастера.

— Снизу донёсся крик, — негромко произнёс Бай Чэнцзюэ. — Неужели тётушка Лань явилась с людьми, чтобы учинить расправу?

— Всего лишь проучил одного болтливого мерзавца, — ровно ответил Сюэ Бэйван.

Бай Чэнцзюэ с облегчением вздохнул:

— Слава богу... Я испугался, что они не оставят меня в покое, даже когда выкупная запись у меня на руках. Если бы из-за меня у вас возникли неприятности, я бы никогда себе этого не простил.

Образ кроткого, загнанного зверька удавался ему безупречно.

Сердце Сюэ Бэйвана готово было растаять от этой щемящей нежности. Чтобы скрыть бурю чувств, он отвернулся и упёрся ладонью в косяк двери, пытаясь унять бешеный пульс.

— Господин Сюэ, — позвал его Бай Чэнцзюэ.

Тот мгновенно развернулся, преданно ловя каждое слово:

— Да?

— Почему при каждой нашей встрече вы так сильно краснеете?

Сюэ Бэйван прижался спиной к двери и шумно сглотнул. Коснувшись горячей щеки, он пробормотал:

— Наверное... Наверное, я тоже подхватил простуду...

— Раз так, почему вы до сих пор стоите в мокрой одежде? — покачал головой Бай Чэнцзюэ. — Снимите её скорее, не хватало ещё, чтобы вы по-настоящему заболели.

Только в этот миг Сюэ Бэйван осознал, что его платье действительно промокло насквозь.

До этого все его мысли занимал лишь больной Бай Чэнцзюэ, и холода он попросту не замечал. Теперь же, когда ему указали на это, сырая ткань неприятно заструилась по телу, заставив поёжиться.

— Я... Я сейчас же переоденусь! — засуетился он. — Не беспокойся, у меня крепкое здоровье, я с самого детства почти не болел!

Сюэ Бэйван принялся торопливо стягивать верхние одежды прямо перед постелью. Но едва его пальцы коснулись завязок нательной рубахи, до него внезапно дошёл весь двусмысленный смысл происходящего. Он замер и со смущением посмотрел на постель:

— Не мог бы ты... отвернуться?

— Зачем? — удивлённо приподнял брови Бай Чэнцзюэ.

— Когда ты так смотришь, мне... неловко, — Сюэ Бэйван покрепче сжал края рубахи. — Пусть я и знаю, что ты мужчина, но когда такой красивый человек пристально следит, как я раздеваюсь... мне не по себе.

Прикрыв рот ладонью, Бай Чэнцзюэ негромко рассмеялся:

— Глупенький.

<http://bllate.org/book/18210/1747919>